

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-76-84
УДК 327.88(045)

Международный терроризм: проблемы определения, актуализации правовых основ противодействия

В.М. Родачин

Российский новый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье обосновывается актуальная проблема усиления опасности международного терроризма в глобальном, региональном и национальном аспектах – с одной стороны, и недостаточно глубокого теоретического осмысления данного феномена, а также правового обеспечения противодействия его угрозам – с другой. В работе раскрываются противоречия в трактовках признаков и дефиниций международного терроризма; дается их авторская интерпретация. Кроме того, автором высказаны предложения по актуализации правовых основ и доктринально-политических документов, касающихся вопросов противодействия международному терроризму и терроризму в целом.

Ключевые слова: терроризм; международный терроризм; международные террористические организации; государственный терроризм во внешнеполитической сфере; признаки международного терроризма; универсальное определение международного терроризма; правовые основы противодействия международному терроризму

Для цитирования: Родачин В.М. Международный терроризм: проблемы определения, актуализации правовых основ противодействия. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(3):76-84. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-76-84

ORIGINAL PAPER

International Terrorism: Challenges in Defining and Updating Legal Frameworks for Counteraction

V. M. Rodachin

Russian New University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article discusses the actual issue of increasing danger of international terrorism for global, regional and national security, on the one hand, and insufficient theoretical understanding of this phenomenon, as well as legal support for countering its threats, on the other hand. The article reveals contradictions in the interpretations of signs and definitions of international terrorism; the author's interpretation is given. The proposals on updating the legal framework and doctrinal and political documents related to the issues of countering international terrorism and terrorism in general are presented.

Keywords: terrorism; international terrorism; international terrorist organizations; state terrorism in the foreign policy sphere; signs of international terrorism; universal definition of international terrorism; legal basis for countering international terrorism

For citation: Rodachin V.M. International terrorism: Challenges in defining and updating legal frameworks for counteraction. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(3):76-84. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-76-84

ВВЕДЕНИЕ

Раскрытие сущности и характерных черт международного терроризма (МТ), выделяющих его в особую категорию, и совершенствование правовых основ борьбы с ним — актуальное в теоретическом и практическом отношении направление исследований. Свидетельством тому служит парадоксальная ситуация, сложившаяся в международном праве и национальных законодательствах влиятельных мировых держав: всеобщее осознание растущей опасности МТ и необходимости совместной борьбы с ним — с одной стороны, и отсутствие международного консенсуса по его однозначному определению, а также идентификации принадлежности к нему тех или иных движений — с другой.

НЕРЕШЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С МЕЖДУНАРОДНЫМ ТЕРРОРИЗМОМ

Международный терроризм — относительно новое явление, возникшее в конце 1960-х — начале 1970-х гг. Генеральная Ассамблея ООН уже 18 декабря 1972 г. на 2114 пленарном заседании поставила и рассмотрела вопрос о мерах по его предотвращению, хотя описания с выделением характерных признаков не давалось. В 1990 г. эксперты ООН отметили, что «международному сообществу так и не удалось достичь согласия в отношении универсального определения международного терроризма»¹. Нет его и в настоящее время, несмотря на значительно возросшие угрозы национальной, региональной и международной безопасности. 24 мая 2023 г. в видеообращении к участникам 11-й Международной встречи высоких представителей, курирующих вопросы безопасности, Президент России В.В. Путин подчеркнул важность анализа наиболее актуальных угроз, и в том числе международного терроризма².

Нерешенной проблемой являются противоречия касательно признания отдельных международных движений и организаций (включая национально-освободительные), а также правительственных структур и их действий, сопряженных с терактами, в качестве террористических. О необходимости проведения различий между МТ и борьбой народов за национальное освобождение было сказано на 44-й сессии Генеральной

Ассамблеи ООН 4 декабря 1989 г. Однако критерии разделения этих явлений и понятий до сих пор не обоснованы.

Показательны в этом плане разногласия между странами мирового сообщества в отношении палестинской организации ХАМАС и ливанской «Хезболла». США и Израиль однозначно считают их террористическими, добиваясь поддержки в этом вопросе от Совета Безопасности ООН. Россия и многие страны ООН придерживаются иного мнения. «ХАМАС, — отмечает первый заместитель постоянного представителя Российской Федерации при ООН Д. Полянский, — неотделима от палестинского национально-освободительного движения, а «Хезболла» является влиятельной ливанской политической силой, нравится это кому-либо или нет» [1].

Выработке единой позиции мешают следующие обстоятельства: отсутствие четких общепринятых критериев МТ; преобладание политических интерпретаций этого термина над его юридическим значением; «кураторство» спецслужб США и их союзников над некоторыми организациями МТ, а также применяемые к ним двойные стандарты, согласно которым, в одном случае (когда акты террора совершаются в интересах проводимой кураторами политики) международные террористы превращаются в «борцов за свободу», а в другом (при действиях против политики и интересов кураторов, в том числе в рамках фактической национально-освободительной борьбы за независимость и национально-государственное самоопределение) — в террористов. Госдепартамент США, например, регулярно обнародует списки международных террористических организаций, которые носят явно выборочный характер. Так, в 1990-х гг. в списке отсутствовали ИРА, Исламский фронт спасения (Алжир), чеченская «Армия генерала Дудаева» и т.д. «На Западе, — по словам Президента России В.В. Путина, — никогда не брезговали использовать в своих интересах и радикалов, и экстремистов». В том числе — неонацистский киевский режим. И это — «несмотря на все громогласные заявления о борьбе с международным терроризмом»³.

Еще одна проблема, требующая решения, — отсутствие в международном праве норм,

¹ URL: <https://base.garant.ru/12112876/>

² URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/71189>

³ URL: <https://rg.ru/2023/02/28/putin-zaiavil-ob-usilenii-terroristicheskoy-ugrozy-i-sviazal-eto-s-dejstviiami-kieva-i-zapada.html>

позволяющих пресекать и подвергать ostracism преступную деятельность *международного государственного терроризма (МГТ)*, с полной силой заявившего о себе в современных условиях.

В отличие от международных террористических организаций (МТО), которые выявляются и вносятся в списки запрещенных организаций, ведущиеся антитеррористическим комитетом Совета Безопасности ООН, Европейским Союзом и компетентными органами многих стран, государства, игнорирующие нормы морали и международного гуманитарного права в своей военно-силовой политике и практике (либо использующие, финансирующие деятельность МТО), не включаются ни в один из указанных списков. Хотя фундаментальной причиной МТ, по мнению российских экспертов, является «сама стратегия развития стран, строящих свое благополучие на дестабилизации всего остального мирового сообщества», в том числе «с использованием террористических сил и методов» [2, с. 261].

В Российской Федерации, несмотря на ведущуюся против нее коллективным Западом (включая силы МГТ) террористическую войну, не предпринимались попытки сформировать список *государств, приверженных к террористической практике*, возможно, по причине последующего введения санкций против таких государств, ограничения или прекращения отношений с ними. При этом, в противоположность нам, Украина, Литва, Латвия, Эстония, Польша, Чехия, Нидерланды, Словакия, а также Парламентская ассамблея ОБСЕ, Парламентская ассамблея Совета Европы, Европейский парламент и Парламентская ассамблея НАТО в течение 2022–2023-го гг. в различных формулировках объявили российский режим террористическим. 23 июня 2022 г. Комитет Сената США по международным отношениям поддержал резолюцию о признании России спонсором терроризма и рекомендовал правительству страны рассмотреть эту инициативу. Ярлык «государства — спонсора терроризма» официально закреплен США за Северной Кореей, Сирией, Кубой и Ираном. Подобный шаг в отношении России, по мнению госсекретаря США Э. Блинкена, «уничтожит остатки дипломатии между Вашингтоном и Москвой, вынудит ввести санкции против союзников США, ведущих дела

с Россией» [3].

ПРИЗНАКИ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА

Данный вид терроризма сохраняет его общие черты (прежде всего, устрашение (запугивание) населения и властей путем жестокого публичного насилия), обладая одновременно собственной спецификой. Многими исследователями предпринимались попытки выделить характерные признаки МТ, в том числе неудачные, когда, например, считалось что «международный террористический акт происходит в нескольких государствах» (что трудно представить) [4, с. 4]. По этому вопросу сохраняются разночтения и единого понимания МТ в совокупности его существенных признаков пока не сложилось.

В Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации (2009 г.) правомерно выделяется его такой обобщенный признак, как *интернационализация* террористической деятельности.

Нередко к признакам МТ относят принадлежность *жертв* террористических актов к разным государствам, либо к категории лиц, пользующихся международной защитой (глава государства, глава правительства, министр иностранных дел, находящиеся в иностранном государстве; любой представитель, должностное лицо государства или иной агент межправительственной международной организации, члены их семей)⁴ [5]; убийство дипломатических работников для усиления международной напряженности и развязывания политических и военных конфликтов [6, с. 83]. При этом из поля зрения выпадают иные объекты терактов, прежде всего относящиеся к институтам публичной власти, критически важной инфраструктуре, промышленности, уничтожение которых может иметь международные последствия.

Нельзя не согласиться (с небольшими уточнениями), что признаками МТ являются следующие: а) осуществление террористических акций *против лиц или объектов*, затрагивающих интересы двух и более государств; б) реализация террористической деятельности *отдельных МТО или террористических государств* на территории нескольких стран; в) координация деятельности *нескольких террористических организаций* в раз-

⁴ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/int_protected_persons.shtml

ных странах⁵; г) создание террористическими организациями международных сетей, с помощью которых иностранные боевики-террористы и средства их поддержки переправляются из страны в страну⁶.

В Конвенции по борьбе с терроризмом Шанхайской организации сотрудничества указан важный целевой признак МТ: стремление «заставить правительства или международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения». «Действия международных террористов, — отмечает профессор, доктор политических наук В.П. Милецкий, — направлены главным образом против государств, их внутренней и внешней политики с целью оказания влияния на весь ход международных событий в целом» [7]. При этом важно конкретизировать статус таких государств, поскольку не каждое из них по своему весу и имеющимся ресурсам способно влиять на ход региональных и мировых событий. Вместе с тем захват террористами власти, как в случае с движением «Талибан» (запрещено в Российской Федерации) в Афганистане, создает плацдарм для последующей международной террористической активности.

Представляется целесообразным учитывать, в дополнение к перечисленным, еще несколько признаков МТ. Во-первых, это наличие филиалов, отделений, ячеек террористической организации (движения) в нескольких государствах, регионах мира и континентах, что превращает ее в МТО. Во-вторых, — нацеленность на реализацию международного политического проекта террористическими средствами. Исследователи Ю.В. Берладир и И.К. Харичкин отмечают, что сущностью международного терроризма является политическая борьба за изменение общественно-политического устройства отдельных стран и мирового сообщества [8, с. 99]. Так, движение «Талибан»⁷ ставит перед собой задачу создания «истинного исламского государства в Афгано-Пакистанском регионе» [9, с. 56]; «Исламское движение Узбекистана» нацелено на «захват всех земель Азии, которыми раньше правили мусульмане» [9, с. 50]; МТО «Исламское государство» было намерено создать «Великий

исламский халифат») [9, с. 21]. В-третьих, для МТ характерна также *политика и практика ГТ в сфере международных отношений*. Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма 1994 г. признает, что государства могут прямо или косвенно участвовать в актах терроризма. При всей опасности МТО, являющихся негосударственными формированиями, масштаб осуществляемых ими преступлений несопоставим с преступлениями МГТ, использующего все находящиеся в распоряжении властей силовые ресурсы. В этом плане показателен подрыв в исключительных экономических зонах Дании и Швеции 26 сентября 2022 г. двух нитей газопроводов «Северный поток — 1» и «Северный поток — 2», организованный спецслужбами США и Норвегии, что доказано американским журналистом Сеймуром Хершем⁸. ГТ неонацистской Украины с 2014 г. при посредстве США, Великобритании и их союзников (54 государства), оснащающих террористов самыми современными системами вооружений, непрерывно наносит ракетные, артиллерийские, авиационные удары по территории Донбасса, жертвами которых стали 5 тыс. убитых и 9 тыс. раненых мирных жителей. Еще более жестоким и антигуманным проявил себя *израильский государственный терроризм* в конфликте с палестинским движением ХАМАС. От непрерывных израильских ударов по сектору Газа с 7 октября 2023 г. по январь 2024 г. погибло свыше 26 тыс. мирных жителей (в основном женщин, стариков, детей), ранено более 64 тыс. чел.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА

Сложность феноменов терроризма в целом и международного терроризма в частности, в том числе в аспекте их соотношения с правом народов на национально-освободительную и борьбу против иностранной оккупации⁹, вызывает у ряда экспертов скептицизм в отношении возможности их однозначного определения. Так, швейцарский специалист К. Хейльброннер убежден в том, что «невозможно в принципе разработать единое и признаваемое всеми государствами мирового сообщества определение международного

⁵ Ланцов С.А., ред. Террор и террористы. Словарь. СПб.: Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та; 2004.

⁶ URL: <https://base.garant.ru/71860674/>

⁷ Организация находится под санкциями ООН за террористическую деятельность.

⁸ URL: <https://rg.ru/2023/02/12/kak-amerika-vzorvala-severnyj-potok-publikuem-statii-zhurnalista-sejmura-hersha-o-tom-chto-podryv-gazoprovodov-byl-rezultatом-tajnoj-operacii-vms-ssha-i-norvezhskih-voennyh.html>

⁹ URL: <https://base.garant.ru/2561236/>

терроризма, а потому следует оставить такие попытки» [10, с. 25]. Сотрудник международного центра по противодействию терроризму в Гааге А. Шмид в числе пяти критических проблем выделяет сложность определения терроризма и его разновидностей, включая МТ [11, с. 23].

Вместе с тем в современной науке предпринимаются усилия по выработке общепризнанного определения как терроризма (по данным экспертов в 2007 г. насчитывалось свыше двухсот его дефиниций [12, с. 262]), так и его различных разновидностей, включая МТ.

Ряд авторов неправомерно сужают феномен МТ до *террористической деятельности* или до *действия, воздействия* на влиятельных политических акторов в сфере международных отношений. Так, С.А. Буткевич считает, что МТ — «международная террористическая деятельность, осуществляемая террористом или террористической организацией (группой) с целью подрыва конституционного строя иных государств, международного правопорядка или международных отношений в целом» [13]. А согласно определению А.Е. Михайлова, — это «совершаемое террористами одной или нескольких стран идеологически мотивированное насильственное воздействие на другие государства или международные организации в целях устрашения мирового сообщества (или) подрыва международного порядка, мира и безопасности, для достижения определенных политических, идеологических, национальных и социальных результатов» [14, с. 10]. Также считается, что это «насильственные, идеологически обоснованные *действия*, игнорирующие нормы международного и национального права, общечеловеческой морали, направленные на дестабилизацию общественного строя в отдельных странах, международного порядка и международных отношений, достижение определенных целей и задач»¹⁰.

Приведенные определения международного терроризма, сводящие его к международной террористической деятельности (МТД) не учитывают не только разделения понятий «терроризм», «террористическая деятельность», «акт терроризма» в Федеральном законе «О противодействии терроризму» 06.03.2006 N 35-ФЗ¹¹, но и всего

многообразия составляющих террористической деятельности, раскрытых в п. 2, ст. 3 данного закона (организация, планирование, подготовка, финансирование, реализация террористического акта; подстрекательство к нему; вербовка, вооружение, обучение и использование террористов; пропаганда идей терроризма и пр.).

Высказывается мнение о том, что МТ — это «терроризм, акты которого осуществляются гражданами одной или нескольких стран и имеют цель подрыва конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности иных государств либо международного правопорядка или международных отношений в целом»¹². Данная формулировка, однако, не отражает ни сложной структуры международного терроризма как феномена, ни наличия других (помимо граждан) субъектов террористических актов, ни организованного характера террористической деятельности.

Не все определения раскрывают существующие компоненты и взаимосвязи международного терроризма. Так, он трактуется как «сложное политико-правовое явление, включающее в себя не только акты террора, но и организационно-идейные структуры (террористические доктрины и террористические организации)» [15, с. 91]. Или же рассматривается в трех аспектах: «как преступное деяние, как террористические структуры, как террористические доктрины» [16, с. 105].

Представляется целесообразным указать, что это современный вид терроризма, возникший вследствие интернационализации террористической деятельности и глобализации информационных коммуникаций, а также систематического использования рядом государств (в противоречие нормам морали и международного гуманитарного права) террористических методов для борьбы против своих противников, осуществления агрессивных, гегемонистских, экспансионистских, неокOLONIALНЫХ целей. Он охватывает всю совокупность международных террористических организаций и террористических государств, реализуемую ими политику и практику; акты, технологии, методы, средства и формы террористической деятельности; идеологические доктрины и политические концепты

¹⁰ Терроризм в исторической ретроспективе и современных условиях. М.: ЮНИТИ-ДАНА; 2019.

¹¹ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/

¹² Сироткин И.Г., ред. Словарь основных терминов и понятий в области противодействия терроризму М.: НИЦ ФСБ России; 2022.

(проекты) терроризма; коммуникации и связи международных террористов.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВЫХ ОСНОВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МТ

Российская Федерация стала одним из первых государств, столкнувшихся с МТ во всех его современных формах. В 1990-е гг., во времена первой и второй чеченских войн, против России, при координации, финансировании, поставках вооружения, пособничестве спецслужб США, Великобритании и других стран действовали боевики-наемники из пятидесяти государств, широко используя террористические методы. В то время многочисленные теракты осуществлялись не только в Чечне и на Северном Кавказе, но и в Москве и других городах России. В Беслане 1 сентября 2004 г. террористами была захвачена и заминирована школа, где три дня удерживались 1100 заложников (дети и учителя), 333 из которых погибли, а 728 были ранены. Все эти обстоятельства и трагические события сформировали у отечественных законодателей твердое понимание необходимости приоритетного решения проблем правового регулирования борьбы с терроризмом и его разновидностями¹³.

Победить международный терроризм в современных условиях можно, только объединив усилия всех здоровых сил мирового сообщества и сформировав единый антитеррористический фронт, при опоре на общепризнанные нормы международного права, цели и принципы Устава ООН, а также на непротиворечащие им нормы национального законодательства.

Однако в современных условиях становления нового полицентричного миропорядка, приходящего на смену однополярной гегемонии США и коллективного Запада, правдами и неправдами стремящихся не допустить утраты власти над миром, единство действий всех стран против МТ остается лишь благим намерением. Соединенные Штаты и их союзники не рассматривают Россию в качестве ключевого партнера в борьбе с МТ, хотя периодически декларируют полезность российско-американского контртеррористического взаимодействия. К настоящему времени в мире приняты 19 конвенций ООН, около 50 резолюций

Совета Безопасности ООН, сотни документов других организаций, в том числе Совета Европы, ОБСЕ, ШОС, СНГ, ОДКБ и др. При этом, к сожалению, должного объединения усилий государств, направленных против террористических вызовов и угроз, так и не произошло.

В подобной обстановке существенно возрастает значение совершенствования национального законодательства в сфере противодействия терроризму, прежде всего в аспекте *системного правового обеспечения борьбы с МТ*. Тем более, что ни термин «международный терроризм», ни его определение не имеют законодательного закрепления [17]. В базовом Федеральном законе «О противодействии терроризму» лишь в статье, касающейся применения Вооруженных Сил Российской Федерации в борьбе с терроризмом, говорится о «пресечении международной террористической деятельности за пределами территории Российской Федерации»¹⁴. Однако подобная правовая норма не соответствует фактам осуществляемой МТД на территории Российской Федерации со стороны неонацистской Украины и ее западных кураторов, а понятие «международная террористическая деятельность» не тождественно более широкому по содержанию и объему понятию «международный терроризм», включающему еще и международные террористические организации, идеологические доктрины и политические концепты (проекты) терроризма, коммуникации и связи международных террористов, а также (что особенно важно в современных условиях) — международный государственный терроризм.

В статье 361 «Акт международного терроризма» Уголовного Кодекса Российской Федерации, введенной в действие с июля 2016 г., также говорится только о «совершении *вне пределов территории Российской Федерации взрывов, поджогов или иных действий, подвергающих опасности жизнь, здоровье, свободу или неприкосновенность граждан Российской Федерации в целях нарушения мирного сосуществования государств и народов либо направленных против интересов Российской Федерации, а также угроз совершения указанных действий*».

Не раскрывают возросшую опасность МТ для национальной безопасности Российской

¹³ После трагедии в Беслане 8 октября 2004 года по инициативе России была принята резолюция ООН 1566, предусматривающая конкретные меры по усилению контртеррористической деятельности ООН.

¹⁴ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/

Федерации Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации¹⁵ и Стратегия национальной безопасности Российской Федерации¹⁶.

В Концепции не прописаны ключевые понятия и их определения, включая применяемый в ней термин «МТО». В документе отмечается тенденция «интернационального характера террористических организаций, использования международными террористическими организациями этнорелигиозного фактора», но не используются понятия «международный терроризм», «государственный терроризм во внешнеполитической сфере», хотя они задолго до принятия Концепции вошли в международно-правовой оборот.

В Стратегии национальной безопасности, помимо термина «международные террористические организации», нашло отражение понятие «международный терроризм», однако — без определения и всего в двух случаях. В документе отмечается необходимость «предупреждения и пресечения террористической и экстремистской деятельности организаций и физических лиц», но ничего не говорится об угрозах как терроризма, так и его различных видов, включая МТ и его наиболее опасную составляющую — МГТ.

Значительный шаг вперед в характеристике угрозы МТ для национальной безопасности России сделан в Концепции внешней политики Российской Федерации¹⁷. В ст. 31 констатируется, что в целях «искоренения международного терроризма, защиты государства и российских граждан от террористических актов Российская Федерация намерена уделять приоритетное внимание:

1) повышению эффективности и скоординированности многостороннего сотрудничества в сфере противодействия терроризму, в том числе в рамках ООН;

2) укреплению определяющей роли государств и их компетентных органов в противодействии терроризму и экстремизму;

3) принятию политико-дипломатических и иных мер, направленных на противодействие использованию государствами террористических и экстремистских (в том числе неонацистских)

организаций в качестве инструмента внешней и внутренней политики;

4) борьбе с распространением, в том числе в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, идеологии терроризма и экстремизма (включая неонацизм и радикальный национализм);

5) выявлению причастных к террористической деятельности граждан и организаций и блокированию каналов финансирования терроризма;

6) выявлению и устранению пробелов в международно-правовом регулировании, касающихся сотрудничества в сфере борьбы с терроризмом, рисков совершения террористических актов с использованием химических и биологических веществ;

7) укреплению многопланового взаимодействия с союзниками и партнерами в сфере борьбы с терроризмом, оказанию им практического содействия в проведении контртеррористических операций, в том числе в целях защиты христиан на Ближнем Востоке».

Вместе с тем определения понятий «международный терроризм», «международная террористическая организация», «государственный терроризм» отсутствуют.

ВЫВОДЫ

Проведенный анализ позволяет сделать следующие основные выводы.

Во-первых, наиболее актуальной и опасной террористической угрозой международной, региональной и национальной безопасности суверенным государствам является международный терроризм, и, в первую очередь, такой его подвид, как международный государственный терроризм.

Во-вторых, первостепенной теоретической задачей остается необходимость выработки универсального определения МТ на основе систематизации его существенных признаков и учета основных структурных составляющих — МТО и МГТ.

В-третьих, назрела потребность в корректировке и взаимоувязывании друг с другом законодательных и доктринально-политических антитеррористических документов — прежде всего, Федерального закона «О противодействии терроризму в Российской Федерации», Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации и Стратегии обеспечения националь-

¹⁵ URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12070277/>

¹⁶ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/

¹⁷ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_443540/

ной безопасности в части определения и обстоя- международного терроризма, исходящих от него
 тельной характеристики (на системной основе) угроз и основных мер противодействия им.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бойков С. Группировки риска: ХАМАС и «Хезболлу» не признают террористическими. Почему Россия не поддержит включение палестинской и ливанской организаций в список на уровне Совбеза ООН. URL: <https://iz.ru/1601442/semn-boikov/gruppirovki-riska-khamas-i-khezbollahu-ne-priznaiut-terroristicheskimi>
2. Пальцев А.И. Методологические аспекты различения национально-освободительного движения и терроризма. В сборнике трудов конференции «Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество». М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН; 2022.
3. Шустрова М. «Это уничтожит остатки дипломатии»: почему США пока не признали Россию спонсором терроризма. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/2022/07/30/15202478.shtml>
4. Таран А-А.В. Международный терроризм как политический феномен. Проблемы антитеррористической борьбы. Дис. ... канд. полит. наук. М.: РУДН; 2009.
5. Моисеев А.И. Международно-правовое определение терроризма. Дис. ... канд. юридич. наук. М.: МГЮА им. О.Е. Кутафина; 2018.
6. Левин Д.Б. Ответственность государства в современном международном праве. М.: Международные отношения; 1966.
7. Милецкий В.П. Международный терроризм: политико-правовое измерение теории и практики противодействия. *Всероссийский криминологический журнал*. 2017;11(1):180–189.
8. Берладир Ю.В., Харичкин И.К. Политическая сущность международного терроризма. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2021;15(4):99–108.
9. Красинский В.В., Машко В.В. Кто есть кто в международном терроризме. М.: ИНФРА-М; 2019.
10. Heilbronner K. Rechtsfragen der internationalen Terrorismusbekämpfung. *Schweizerisches Jahrbuch für Internationales Recht*. Zürich; 1991.
11. Алферова Е.В. Международный терроризм и право: современные зарубежные исследования. М.: ИНИОН РАН; 2017.
12. Козодой Т.С. К вопросу об определении понятия «Терроризм». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*. 2007;(2–1):260–266.
13. Буткевич С.А. Международный терроризм: проблемы дефиниции, криминализации и противодействия. *Юрист-Правоведъ*. 2016;6(79):85–90.
14. Михайлов А.Е. Международный терроризм как системный риск в современном обществе: проблемы минимизации правовыми средствами. *Юридическая техника*. 2019;(13):545–552.
15. Зябкин А.И. Проблема юридической квалификации терроризма как международного правонарушения. В сборнике: Ученые записки юридического факультета. СПб.: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов; 1997. Вып. 2.
16. Плотников А.В. К вопросу юридического определения понятия «Международный терроризм». *Вестник РУДН. Серия: Юридические науки*. 2009;(3):105–118.
17. Чернявский А.Г., Олейник С.А. Дефиниция «международный терроризм» в международном праве. *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2018;4(44):322–327.

REFERENCES

1. Boykov S. Risk groups: Hamas and Hezbollah are not recognized as terrorist. Why Russia will not support the inclusion of Palestinian and Lebanese organizations in the list at the level of the UN Security Council. URL: <https://iz.ru/1601442/semn-boikov/gruppirovki-riska-khamas-i-khezbollahu-ne-priznaiut-terroristicheskimi> (In Russ.).
2. Pal'tsev A.I. Methodological aspects of distinguishing between a national liberation movement and terrorism. In the collection of papers of the conference "Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation". Moscow: Institut nauchnoj informacii po obshchestvennym naukam RAN; 2022. (In Russ.).
3. Shustrova M. "This will destroy the remnants of diplomacy": why the US has not yet recognized Russia as a sponsor of terrorism. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/2022/07/30/15202478.shtml> (In Russ.).
4. Taran A-A.V. International terrorism as a political phenomenon. Problems of the fight against terrorism. Diss. ...

- Cand. Sci (Political). Moscow: RUDN; 2009. (In Russ.).
5. Moiseev A.I. International legal definition of terrorism. Diss. ... Cand. Sci. (Law). Moscow: Moscow State Law University named after O.E. Kutafin; 2018. (In Russ.).
 6. Levin D.B. State responsibility in modern international law. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya; 1966. (In Russ.).
 7. Miletsky V.P. International terrorism: Political and legal dimension of the theory and practice of counteraction. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal = All-Russian Criminological Journal*. 2017;11(1):180–189. (In Russ.).
 8. Berladir Yu.V., Kharichkin I.K. Political essence of international terrorism. *Evrazijskaya integraciya: ekonomika, pravo, politika = Eurasian integration: economics, law, politics*. 2021;15(4):99–108. (In Russ.).
 9. Krasinsky V.V., Mashko V.V. Who is who in international terrorism. Moscow: INFRA-M; 2019. (In Russ.).
 10. Heilbronner K. Research papers on international terrorism. *Swiss Journal of International Law*. Zürich; 1991. (In German).
 11. Alferova E.V. International terrorism and law: Modern foreign studies. Moscow: INION RAN; 2017. (In Russ.).
 12. Kozodoy T.S. On the issue of defining the concept of “Terrorism”. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya = Bulletin of Saint Petersburg University. International Relations*. 2007;(2–1):260–266. (In Russ.).
 13. Butkevich S.A. International terrorism: problems of definition, criminalization and counteraction. *Jurist-Pravoved*. 2016;6(79):85–90. (In Russ.).
 14. Mikhailov A.E. International terrorism as a systemic risk in modern society: Problems of minimization by legal means. *Yuridicheskaya tekhnika = Legal technique*. 2019;(13):545–552. (In Russ.).
 15. Zyabkin A.I. The problem of legal qualification of terrorism as an international offense. In the collection: Scientific notes of the law faculty. Saint Petersburg: St. Sankt-Peterburgskij gumanitarnyj universitet profsoyuzov; 1997. Issue 2. (In Russ.).
 16. Plotnikov A.V. On the issue of legal definition of the concept of “International terrorism”. *Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki = Bulletin of RUDN. Series: Legal sciences*. 2009;(3):105–118. (In Russ.).
 17. Chernyavsky A.G., Oleynik S.A. Definition of “international terrorism” in international law. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii = Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2018;4(44):322–327. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Владимир Михайлович Родачин — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Академии военных наук Российской Федерации, профессор кафедры философии, Российский новый университет (РосНОУ), Москва, Россия

Vladimir M. Rodachin — Dr. Sci. (Philos.), Prof., Corresponding Member of the Academy of Military Sciences of the Russian Federation, Department of Philosophy, Russian New University (RosNOU), Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-6839-999X>

Rodvm@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 12.02.2024; принята к публикации 25.03.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 12.02.2024; accepted for publication on 25.03.2024.

The author read and approved the final version of the manuscript.